

ЖЕНСКИЕ ЛИЦА «ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ СКАЗКИ»*

В июне 2019 г. президент ЮАР Сирил Рамапоса торжественно сообщил о достижении правительством ЮАР впервые в Африке и, возможно, в мире полного гендерного равенства – ровно половину нового кабинета министров страны составили женщины¹. Если бы не примерно такое же первенство по сексуальному насилию в стране, это можно было бы считать безраздельным успехом южноафриканских женщин...

В сказочном краю золота, алмазов и самой развитой на континенте экономики женщины играли и играют очень значительную роль – и в традиционном африканском обществе (главный работник в поле у банту), и в построенном колонизаторами и эксплуататорами черных масс «краю для белого человека» (здесь женщины из англоязычной среды были более свободными и раскрепощенными по сравнению с кальвинистками-африканерками), и в очень неоднозначном постапартеидном мире.

В богатой палитре общественно-политической и культурной жизни ЮАС-ЮАР (отсчет государственности – со времени создания здесь британского доминиона в 1910 г.) прошедшего столетия, да и сегодня, очень много ярких женских образов. Среди них много выходцев из России и их потомков. В их числе самая популярная писательница страны первой половины двадцатого века Сара Миллин, родившаяся в Российской Империи. Ее перу принадлежат блестящие романы плюс документальные исследования и об угнетаемых цветных, и об угнетателях – правителях страны, с которыми она была лично знакома (премьер-министр, генерал Ян Сметс). Позже прославилась Надин Гордимер (дочь выходца из Российской империи), лауреат Нобелевской премии по литературе (1991). Обогатили своим талантом южноафриканскую культуру художницы Мэгги Лаубсер и Ирма Стерн, африканка Хелен Себиди.

В сфере общественно-политической жизни отличились многие женщины. Это, прежде всего, единственный легальный оппозиционный политик, депутат парламента от Прогрессивной партии, противостоявшая белому расизму на протяжении практически всей эпохи апартеида – Хелен Сузман (урожденная Гавронская, 1917–2009), дочь выходцев из нашей страны, южноафриканская активистка и политик, последовательно выступавшая против дискриминации и сегрегации. Она представляла

* Мнение редакторов может не совпадать с позицией автора.

ряд либеральных и центристских оппозиционных партий во время своего 36-летнего пребывания в парламенте Южной Африки, контролируемом только белыми, в разгар эпохи апартеида. Выполняя в одиночку роль целой партии, она буквально «заваливала» правительство многочисленными депутатскими запросами об ущемлении прав цветных, индийцев и черных жителей страны (а все парламентские дебаты в обязательном порядке публиковались в печати). После освобождения Нельсона Манделы она была одной тех, кто убедил его отказаться от революционной программы АНК в пользу эволюционной, сохранив рыночную экономику и парламентскую демократию. Она продолжала быть критиком власти и после падения апартеида, в частности, осуждала Манделу, когда тот восхвалял диктаторов Каддафи (Ливия) и Мугабе (Зимбабве), помогала удерживать «политический корабль» страны от экстремизма.

Далее в галерее выдающихся женщин-политиков: премьер-министр Западной Капской провинции Хелен Зилле, «сбитая» с политического Олимпа волной уже черного «антирасизма» в новейшее время (посмела сказать, что колониализм принес не только угнетение, но и хорошие дороги); жена «символа нации» Нельсона Манделы Винни Мандела, запятнавшая себя темными делами; бывшая жена самого коррумпированного современного политика ЮАР президента Джейкоба Зумы Нкосазана Дламини-Зума, отличающаяся несвойственной эпохе безудержного казнокрадства честностью (единственный в современной истории честный аудит МВД, которое она возглавляла), – и еще многие и многие женщины, активные и успешно реализовавшие себя в Южной Африке и в эпоху апартеида, и в период борьбы с ним, и в наше неоднозначное время.

ЮАР на африканском континенте отличает высокопродвинутый уровень женского равноправия и активная включенность женщин во многие социально значимые сферы, включая искусство и науку, бизнес и политику. В стране высока доля женщин-исследователей, на которых приходится 44% всех ученых страны, что выше среднего показателя по многим странам ОЭСР. Доля публикаций женщин-ученых также возросла с 20% в 1998 г. до 32% в 2014 г.² В области естественных и точных наук это в основном белые, но не только. Присцилла Бейкер получила степень бакалавра в Университете Кейптауна и специализировалась в области наук об океане и атмосфере как единственная чернокожая женщина в своем классе. Бейкер – профессор аналитической химии в Университете Западной Капской провинции. Она является членом Академии наук Южной Африки, Европейской научной сети по искусственным мышцам (ESNAM) и ряда других структур, имеет национальный диплом в области аналитической химии в Технологическом уни-

верситете Капского полуострова. В 2004 г. она получила докторскую степень (химия) в области новых композитов оксида металлического олова в качестве анодов для деградации фенола в Университете Стелленбоша. В 2014 г. Бейкер была вручена награда «Выдающаяся женщина-ученый» в категории «Физические и инженерные науки» на ежегодной церемонии вручения премии «Женщины в науке» Департамента науки и техники, в ноябре 2017 г. стала директором Южноафриканского центра системного анализа (SASAC).

Южная Африка имеет один из самых высоких процентов женщин-предпринимателей согласно международному рейтингу *Veuve Clicquot Bold Woman 2020*, который сравнил данные десятков стран. Фактически, едва ли не половина южноафриканских женщин идентифицируют себя как «предприниматели», но это еще свидетельствует о безразмерности «неформального сектора» экономики. Большинство женщин-предпринимателей страны считают, что сетевое взаимодействие имеет первостепенное значение для успеха. Если в структурах власти сегодня доминируют африканки, то в бизнесе, как и в науке, большинство успешных женщин по-прежнему белые.

Арлин Мальдер (промышленность: цифровизация и новые технологии) – обладательница премии *Forbes Woman Africa Technology and Innovation Award 2019* года, а также глобальный посланник конкурса стартапов *She Loves Tech*. Миссия Арлин Мальдер сосредоточена на демократизации образования (выступает за бесплатное) и продвижении возможностей внедрения цифровых технологий в Африке. Проработав в сфере финансов семь лет, Мальдер стала соучредителем некоммерческой организации *WeThinkCode*, движимой уникальной миссией по раскрытию потенциала южноафриканской молодежи и воспитанию лучших технических талантов, чтобы удовлетворить растущий спрос на цифровые навыки, которые система образования пока не в состоянии дать на должном уровне. Недавно Мальдер также создала *ViV*, первое в Африке приложение для аудиобиблиотеки. Благодаря этому новому предприятию богатое наследие устного повествования в Африке может быть сохранено, создаются рабочие места для художников, использующих технологии в качестве платформы. Главный завет Арлин Мальдер: «Живите своими ценностями, иначе они ничего не значат».

Значителен вклад женщин в искусство страны, в становление и развитие южноафриканской живописи. Замечателен период между двумя мировыми войнами, середина XX века. Первыми художниками, привнесшими европейский субъективизм в местное искусство в 1930-е годы, преодолевшими первоначальное неприятие «академически образованной» публики, были Ирма Стерн (1894–1966) и Мегги Лаубсер (1886–

1973), испытывавшие прямое влияние немецкого экспрессионизма³. При этом их творческий почерк и темы очень различались. Творения Лаубсер – это фольклорный мир, населенный цветными рыбаками и крестьянами, необычной флорой и фауной. Художницу отличает блестящее колористическое мастерство. Ее «Продавец рыбы», например, обладает такой целостностью колорита, что возникает чувство, что найдено единственно возможное цветовое решение. Для Лаубсер ее работа художника – это «радость сердца, пробуждение». Она видит мир в красочной гармонии и благодати (правда, и благодать у нее новаторская, эпатировавшая обывателя, недоуменно вопрошавшего, отчего это у нее коты с цветами, а утки с лилиями?), в то время как мир Стерн – это скорее «океан страстей».

Для Стерн характерны пафос и гуманизм, восхищение чувственной красотой незатронутой цивилизацией Африки, жизненной силой и статью представителей африканских племен или, например арабов острова Занзибар. Как сказал об этой, может быть, самой знаменитой художнице страны ее коллега Уолтер Батисс: «Она вдыхала воздух, а выдыхала огонь».

У обеих художниц африканская тематика сочеталась с европейским стилем. На творчество художниц, как уже отмечалось, оказал влияние экспрессионизм, отразивший неудовлетворенность многих европейских художников как реализмом, так и импрессионизмом, не позволявшими, по их мнению, выйти за пределы познания и передачи внешних форм и проявлений и проникнуть в сущность жизни, выразить «душу» вещей, человека, природы. На практике, творчество представителей этого направления скорее отразило драматическую подавленность человека в современном мире – через геометрически упрощенные, грубые формы, через отказ от передачи пространства в живописи, оперирование несгармонизированными тонами. У экспрессионистов обладающие большим запасом духовного здоровья Ирма Стерн и Мегги Лаубсер позаимствовали лишь некоторые творческие, большей частью формально-технические приемы, но отнюдь не характерный для них угнетающий пессимизм и душевную опустошенность. Пережив вместе с берлинцами тяготы жизни во время первой мировой войны, Стерн отнюдь не поддалась отчаянию. Она вернулась в Южную Африку (в 1920 г.), утвердившись в неизбежности, несмотря на все кошмары бытия, человеческой потребности в красоте и любви. Ирму Стерн также роднит с экспрессионистами импульсивность и мощная энергетика (положительная, в отличие от последних) ее лучших работ, она не просто изображает ландшафт или человеческие фигуры, а передает в динамике свое представление о движущих жизненных силах, определяющих внешние формы. Влияние на

художницу оказали не только экспрессионисты. Так, ее «Обнаженная» написана совершенно «по-гогеновски» – в единстве человеческой фигуры и ландшафта или, точнее сказать, в несколько ленивой гармонии обнаженной туземной девушки и дикой природы, щедро наделяющей ее своими плодами.

Рожденная в маленьком, почти деревенском, поселке Западного Трансвааля Ирма Стерн прекрасно знала «свою» Африку – ее свет и цвета, тропическое плодородие, величие ее гор, ритм и музыку, дикие просторы, богатство и нищету, многообразие и смешение племен и народов, и наконец, духовную и физическую эрозию этого вечно меняющегося континента. Для нее характерны богатство, но не расточительность красок, филигранная точность мазков, особая, если так можно выразиться, музыкальность живописи, ее картины – это песни о природе, «о семи возрастах человеческой жизни и четырех сезонах природы». За почти шесть десятилетий творческой деятельности Ирма Стерн, получившая профессиональную подготовку в Германии и выбравшая своим постоянным местом жительства Кейптаун, много путешествовавшая по черному континенту (Заир, Восточная Африка и др.), создала огромную галерею портретов, пейзажей, натюрмортов, рисунков, объединяющей характеристикой для которых может послужить определение восхищавшего ее Эжена Делакруа: «Первое достоинство картины – быть праздником для глаза». Ее природа – стихия живописи с несравненной красоты мазком, передающим горящие цвета. За более чем полвека профессиональной карьеры у Ирмы Стерн было 99 выставок в Южной Африке и Европе. Блестящее реалистическое мастерство портретиста Стерн демонстрирует в работе 1931 года «Портрет Розы ван Гельдерен», вошедшей в собрание 150 лучших картин южноафриканских художников всех времен. В отличие от многих, достаточно условных по технике, работ, сделанных во время путешествий по экзотическим местам Африки, где художницу явно больше интересуют необычная пластичная поза или яркая одежда, нежели черты лица, или, тем более, внутренний мир «этих людей», здесь мы видим портрет близкой подруги, у которой она хочет и умеет передать и каждую черточку, и характер, и состояние души. Роза ван Гельдерен предстает перед зрителем в белом тюрбане и алом жакете, слегка, немного надменно, повернув голову на точеной шее, – уравновешенная и полная имперского величия прекрасная белая принцесса лежащей у ее ног черной Африки. Характерна поэтичность и точность рисунка. Колорит произведения Ирмы Стерн самобытен и многообразен, отличаясь благородством цветовых сочетаний. Перед нами – представленный во всей психологической емкости образ, привлекающий, наряду с очевидной женской красотой, во-

левой собранностью, властностью и зорким, напряженным интересом к жизни. Восхищает глаз и противоположная по тематике очень грустная «Невеста вождя Мангбету, Восточная Африка» (1947) – большая картина на холсте, стилизованная под традиционную африканскую скульптуру. В центре полотна – сидящая с покорно сложенными руками женщина, ждущая своего хозяина. Она кажется абсолютно спокойной, даже безжизненной, – за нее все решили в соответствии с традицией, – но художница явно испытывает к ней живое сочувствие. Это уже «поздняя» Ирма Стерн, преодолевшая, может быть, под влиянием трагедии холокоста, некоторое присущее ей ранее расовое высокомерие. Для нее теперь нет просто отдельных от художника моделей, белых или черных, – она перевоплощается в них, душевно сопереживает им. От ее картин «бьет током». Признание на родине пришло к художнице не сразу (в отличие от зарубежного – на международной выставке 1927 г. во французском городе Бордо она была удостоена «Награды чести»). Южноафриканскую консервативную публику раздражал ее отход от общепринятой для художников-реалистов того времени тщательной манеры письма с детальной проработкой форм. Вместо этого: смелое допущение условности и деформации, отказ от рабского копирования натуры, открытая экспрессия – уплощенность изображения сочетается со сложными фактурными напластованиями мазков, сочной, смелой цветовой гаммой, а главное – талантливая фантазия и духовная зоркость художника, превращающая все это мастерство в чудо искусства, до постижения которого местному зрителю еще надо было дорасти. После мировых катаклизмов середины двадцатого века, во многом изменивших сознание людей, их восприятие жизни и искусства (особенно у массы прошедших войну европейских иммигрантов, хлынувших в Южную Африку), зритель смог оценить художницу по достоинству. Было бы, вместе с тем, неверно рассматривать ее творчество, с любовью к эксперименту и стремлением к открытию новых форм, в рамках противопоставления реализма и модернизма и отхода от первого в пользу последнего. Пройдя увлечение авангардом, она избежала присущей ему дегуманизации искусства (авангардистские течения, как правило, отрицают познавательные функции искусства, загоняя его, в конечном счете, в тупик «черного квадрата»), нашла новые, адекватные времени и южноафриканской специфике формы и вдохнула в них жизнь. Можно сформулировать иначе: не порывая с реальностью, она силой воображения и таланта утверждает свое видение мира и учит зрителя видеть мир ее глазами.

Среди работ Ирмы Стерн есть и скульптуры, художница одно время активно работала в станковой пластике (дерево, металл), свободно интерпретируя мотивы традиционной африканской скульптуры и транс-

формируя натуру, порождая игру разнообразных ассоциаций. В ее скульптурных работах есть добрая ирония и мягкий гротеск, помогающие увидеть изображаемые фигуры и лица с совершенно неожиданной, необычной точки зрения. Трудно «втиснуть» большого мастера в «прокрустово ложе» тех или иных художественных стилей, но в целом представляется, что можно отнестись творчество Ирмы Стерн к новому реализму, или реализму 20-го столетия, не порывающему с реалистическим видением мира в лучших традициях мирового искусства, но отразившему великие переломы эпохи, в том числе и в человеческих душах, во-бравшему в себя многие достижения модернизма, остро экспрессивному и напряженно-эмоциональному.

Первой получившей широкое признание черной женщиной-художницей ЮАР (удостоена в 1989 г. специальной премии «Стандард Банка» для молодых художников) стала Хелен Макгабо Себиди (род. в 1943 г.). Нужно сказать, что в конце эры апартеида поддержка развития африканцев становится хорошим тоном, своего рода модой для белого бизнеса: опасаясь за свои позиции в экономике, он ринулся «завоевывать» черную молодежь, искать и поддерживать таланты в ее среде. Как отмечается в каталоге ее выставки 1989 г., Себиди выражает в творчестве бурные перемены в жизни Южной Африки на рубеже 90-х годов. Она широко использует масло, пастель, коллаж, разрушая и реконструируя формы и пространство. В коллекции Южноафриканской Национальной галереи есть ее картина «Мать детей держит острую сторону ножа» (1988). Как говорила сама художница, существует характерная для африканской традиции поговорка, что именно женщина держит в своих руках острие ножа. На картине женщина, держащаяся за острие ножа, как бы говорит: это то, что я должна сделать, это мой путь. Может быть, она хочет остановить нарастающее насилие? Есть и работы в более традиционной реалистической манере: на холсте Себиди «С полей, несущих еду» (1979 г., частная коллекция) изображены женщины, в большинстве немолодые, бредущие по полю с тяжелыми корзинами на головах, – грустная картина, особенно учитывая, что мужчин рядом нет (в традиционной африканской общине обработка полей – удел женщин).

Вернемся к вопросу женщин во власти. В 2019 году, как уже отмечалось, впервые в истории ЮАР, а, возможно и человечества, женщины составили половину кабинета министров страны, но... здесь также наивысшее в мире сексуальное насилие. Самой тяжелой и труднопреодолимой проблемой в «женском» вопросе представляется очень высокий уровень сексуального насилия и сопутствующей вич-инфицированности в этой захлебывающейся от разгула криминала стране. Министр здравоохранения Южной Африки Аарон Мотсоаледи признал, что по меньшей

мере 28% южноафриканских школьников имеют ВИЧ из-за «сахарных папиков». Министр также сказал, что свыше 90 тыс. южноафриканских девочек беременеют ежегодно, из них около 80 тыс. делают аборт. «Понятно, что с этими девочками спят не молодые мальчики. Это старики. Мы должны выступить против “сахарных папиков”, потому что они уничтожают наших детей», – подчеркнул Мотсоаледи, т.е. или насилие, или материальная поддержка при массовой «безотцовщине», разрушении традиционной семьи⁴. Вот такой расцвет демократии.

Вопросы, связанные с подростковой беременностью, существенно влияют на проблему расширения прав и возможностей женщин. В 2019 г. почти 6% девочек в возрасте от 14 до 19 лет находились на разных стадиях беременности в течение 12 месяцев⁵.

После введения в ЮАР первого жесткого антиковидного локдауна с комендантским часом, армейским патрулированием улиц и т.п. ограничительными мерами число убийств сократилось в ЮАР в марте-апреле 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, согласно заявлению министра полиции Бхеки Селе, с 326 в неделю до 94, а изнасилований с 699 до «всего» 101, при том, что большинство таких преступлений нигде не регистрируется. По мере ослабления ограничений все, к сожалению, постепенно вернулось на круги своя. Высочайшему уровню сексуального насилия в отношении малолетних здесь способствует распространенное среди африканцев поверье, что сексуальный контакт с девственницей излечивает от ВИЧ-СПИДа, а распространение этого заболевания здесь наивысшее в мире (инфицировано порядка 15–20% населения, в т.ч. 28% девочек-школьниц, ежегодно делающих до 100 тыс. абортов. Четверть всех молодых женщин 15–25 лет)⁶.

Еще одна «ложка дегтя» – безвременная смерть от ВИЧ/СПИДа более 300 тысяч южноафриканцев из-за позиции по его лечению министра здравоохранения ЮАР начала нулевых д-ра Манто Тшабалала-Мсиманг⁷. Ее прозвали «доктор Свекла», так как она запрещала импорт эффективных антиретровирусных препаратов, считая, наряду с тогдашним президентом ЮАР Табо Мбеки, что СПИД можно лечить с помощью алкогольных напитков, а также фруктов и овощей, таких как чеснок, лимон, африканский картофель и свекла.

Большой интерес представляет творчество единственной женщины-лауреата Нобелевской премии в ЮАР Надин Гордимер (1923–2014)⁸. Дочь литовского еврея, выходца из Российской империи, родившаяся в маленьком шахтерском городке близ Йоханнесбурга, она получила Нобелевскую премию по литературе в 1991 г. Мировую известность получил роман «Народ Джулая» (1981). В центре повествования – семья архитектора Смайлза. Бежав из Йоханнесбурга в деревню, семья живет у

собственного слуги. Глубоко психологически Гордимер показывает отношения между жителями села и белой семьей, анализирует социальную и культурную бездну между ними. Объявляя о награждении, Шведская академия отметила, что Надин Гордимер – не просто талантливая писательница, но и борец с режимом апартеида, и член АНК, «с пылкой непосредственностью пишет о крайне запутанных личных и общественных отношениях в родной для нее среде. В то же время, усмотрев где-либо политическую проблему и действуя исходя из своего видения, она не позволяет политике вторгаться в творчество. Тем не менее, ее литературные произведения, благодаря глубине проникновения в исторические процессы, помогают воздействовать на эти процессы».

В романе другого южноафриканского Нобелевского лауреата по литературе Дж. Кутзее «Бесчестье» отражены перемены в социальной жизни ЮАР – как в университетской среде, в столице, так и на окраине, на фермах. Люси, дочь главного героя профессора Лури, насилуют трое черных. Вместо того чтобы избавиться от нежеланного ребенка, она оставляет его и принимает покровительство черного соседа, родственника одного из насильников. Люси соглашается стать одной из его жен в обмен на защиту, которую он ей дает. Люси принимает эти новые для нее нормы и понятия, в то время как ее отец не может понять ее поведения. Для него будущий муж дочери – чужак, неприятный, непонятный для него, вдруг ставший жить «слишком близко».

Выходом из «тупика непонимания» в романе «Бесчестье» становится расовое смешение. «Результат изнасилования, ее ребенок смешанной расы, – как думает Лури, – будет дитя этой земли». Сам Кутзее, очевидно, тоже видел в смешении культур, рас, национальностей единственный путь, к которому придет человечество. «Бразильское будущее» – так он это называл. Дети, которые соединят в себе физически и духовно разные народы. Хотя Лури такое будущее его семьи казалось неприемлемым, страшным. Узнав, что Люси не сделает аборт, он был в ужасе: «Какому ребенку способно дать жизнь семя, семя, проникшее в женщину не в любви, но в ненависти, бессмысленно смешанное, извергнутое, чтобы ее запятнать, пометить, как метит собачья моча? Отец, и не думавший породить сына. Значит, этим и закончится, значит, так оборвется его род – подобно воде, по капле ушедшей в землю? Кто мог подумать! День как день: чистое небо, ласковое солнце, и вдруг все изменяется, изменяется раз и навсегда!».

Как найти свое место в мире, где смешались все религии, традиции и моральные ценности? Этот вопрос волнует героев Гордимер и Кутзее и, конечно, их самих. Для Кутзее осознание того, что далеко не лучшие привычки и традиции африканской жизни стали теперь частью жизни

белых и, наоборот, что страна изменила облик практически до неузнаваемости, активизировало его решение покинуть Южную Африку. Тем более что партия АНК, пришедшая к власти в 1994 г., открыто назвала его роман «Бесчестье» расистским и заявила, что «если белые могут адаптироваться к постапартеидной Южной Африке только так, как это сделала Люси, то для них будет лучше просто эмигрировать». И многие белые южноафриканцы действительно уезжали – в Англию, в Австралию, в Новую Зеландию, в другие страны.

В ЮАР любят сравнивать Кутзее и Гордимер, указывая на то, что Гордимер, несмотря на ряд грабительских налетов на ее дом, продолжала жить в Южной Африке, в то время как Кутзее несколько лет назад эмигрировал в Австралию и в Южную Африку больше не возвращается. Когда Гордимер спрашивали о причинах ее нежелания покидать ЮАР, она любила цитировать слова Жана Поля Сартра, который как-то сказал, что отправиться в изгнание означает потерять свое место в мире. Но Гордимер, являясь членом правящей партии АНК еще со времен борьбы с апартеидом, позволяла себе открыто критиковать ее политику. Признавая свое творчество нескрываемо пристрастным, она добавляла: «Не думаю, что писатель вроде меня <...> должен ставить свой, какой ни есть, талант на службу революции, и неважно, насколько ты в нее веришь. <...> Применительно к жизни это означает, что пусть я и состою в Африканском национальном конгрессе, я все равно не обязана в своих сочинениях утверждать, что члены этой организации правы во всех своих начинаниях». О президенте Табо Мбеки, сменившем Манделу, она говорила как о человеке высокообразованном, но необоснованно слепым к проблемам СПИДа. Следующего президента ЮАР, Джейкоба Зуму, она и вовсе назвала «по-настоящему ужасным человеком», который позволяет себе совершать чудовищные поступки, и это сходит ему с рук, поскольку, как она цитирует, «мы должны гордиться своими героями». О Джулиусе Малеме, лидере Молодежной лиги АНК, а затем оппозиционной левацко-популистской и «чернорасистской» Партии борцов за экономическую свободу, она сказала в одном из интервью: «Я думаю, этот человек – огромная трагедия. Его очень легко критиковать... Но нужно видеть, что привело к его появлению. Это трагический феномен».

Кутзее всегда обвиняли в равнодушии к тому, что происходит на его родине. Однако в 2010 г. он поставил свою подпись под петицией, направленной против драконовских мер правительства в отношении свободы слова. Правительство взяло на себя право запрещать публикацию материалов, наносящих вред безопасности государства и его национальным интересам. Гордимер, конечно, тоже ее подписала, прокомменти-

ровав: «Люди погибали в борьбе за свободу и думали, что получили ее, а теперь она снова находится под угрозой»⁹.

Клубок расово-этнических проблем в ЮАР гораздо сложнее черно-белого противостояния – оно протекает сегодня гораздо острее между местными африканцами и «понаехавшими» из соседних стран и даже Нигерии (нигерийцы заполнили многие криминальные ниши) мигрантами, в отношении которых здесь происходят регулярные кровавые погромы, сложны и отношения африканского большинства и новой власти с ранее дискриминированными, а теперь стонущими от «усиления экономической власти черных» (Black Economic Empowerment), не только экономической, местными цветными и индийцами...

Но обратимся к истории и отметим еще некоторых выдающихся женщин этой страны, среди которых немало наших соотечественниц. Среди выходцев из нашей страны – популярнейшая в Южной Африке начала прошлого века писательница Сара Гертруда Миллин – одна из семерых детей «литвака» Исаяи Либзона. Она стала первым южноафриканским писателем (точнее, писательницей), с которой познакомились в СССР (до революции в России получила известность южноафриканка Оливия Шрайвер). Сара Миллин (1889–1968) родилась в Литве в местечке Загаре Ковенской губернии. Родители увезли ее Южную Африку еще маленькой девочкой. Семья обосновалась в алмазном крае Кимберли (Исайя Либзон держал там магазин), где жизнь и быт ферм и шахтерских поселений, включая расовые проблемы, дали богатый материал для будущих литературных произведений, отличавшихся острой наблюдательностью и живым, темпераментным стилем. В 1912 г. Сара вышла замуж за адвоката – будущего члена Верховного суда ЮАС Ф. Миллина – и переехала в Йоханнесбург. Получив профессиональное образование музыканта, она никогда не работала по специальности, а муж всячески поощрял ее литературные опыты (на английском). Приобрела большую популярность в 1920-х годах прежде всего романом «Пасынки Господа Бога» (1924) – историей нескольких поколений семьи «цветных» – наполовину белых, наполовину черных. Благодаря этому роману утвердилась ее высокопрофессиональная литературная репутация. Сара Миллин написала семнадцать романов, множество рассказов, талантливые исторические биографии Сесила Родса и Яна Сметса и две книги автобиографического характера. Сочувствием к черному и цветному населению она привлекла внимание и советских издательств. В 1927 г. в СССР был переведен и издан роман «Цветная кровь», а в 1930 г. – «На высотах Гибсона». К сожалению, российский читатель не знаком хотя бы с обзором ее шеститомных дневников периода Второй мировой войны: в них собран богатейший документальный материал. Российский историк

Ирина Филатова рассказывает о поездке писательницы в СССР в 1936 г. и ее впечатлениях: «Сара Миллин, побывав в Москве и Ленинграде, писала: «Я не хотела бы жить в России, какой я видела ее в 1936 г. Я нашла существование там нестерпимо бедным и печальным. Однажды в течение получаса я сидела в машине на оживленной улице и в течение всего этого времени не увидела ни одного счастливого лица». Еще бы: после голода в результате принудительной коллективизации страну накрывал ужас Большого террора.

Во время своей поездки в СССР в 1923 г. Эндрюс (лидер южноафриканских коммунистов. – *Ю.С.*) увидел «много неудовлетворительных черт». А в 1937-м, когда, по словам Анны Ахматовой, «звезды смерти стояли над нами и безвинная корчилась Русь под кровавыми сапогами и под шинами черных марусь», у него не нашлось ни слова критики. Только восхищение. Он утверждал, что видел повсюду только «людей довольных, радостных, гордых достижениями своей первой в мире страны социализма». Будучи женой члена Верховного суда ЮАС Филиппа Миллина, Сара была вхожа в круги политического истеблишмента, в частности, хорошо знакома с генералом Яном Сметсом, вице-премьером, а затем премьер-министром ЮАС в годы участия ЮАС в антигитлеровской коалиции, одним из основателей ООН. Сметс пытался понять воздействие сталинизма на внутреннюю жизнь Советского Союза и считал его отвратительным. В 1933 г. его тревожили аресты английских инженеров в Москве. В 1936-м, уже в разгар политических репрессий, когда Сара Гертруда Миллин отправилась в Москву и Ленинград, Сметс просил ее: «Посмотрите на Россию своими глазами и скажите мне, что она в действительности собой представляет». Выслушав ее впечатления и, очевидно, сравнив с другими доходившими до него вестями, он произнес слова, которые звучат страшно даже сейчас, когда мир знает о сталинском терроре уже неизмеримо больше, чем тогда: «Вы знаете, что я думаю о (незавидном) положении туземцев в Африке. Так вот, я лучше буду туземцем в Африке, чем русским в России»¹⁰. Но с приходом Гитлера к власти в Германии Сметс стал больше бояться гитлеризма и даже уповал на антифашистскую позицию СССР. После военных дневников 1944–1948 гг. Сара Миллин опубликовала автобиографическую книгу «Мера моих дней» (*The measure of my Days*, 1955) и две последних новеллы («Волшебная птица», 1962 и «Прощай, дорогая Англия», 1965). Знаменитая южноафриканская романистка любила Южную Африку и город, где жила, но не забывала о своем российско-еврейском происхождении и невзгодах, которых здесь удалось избежать: «В общем и целом, в Йоханнесбурге евреям живется лучше, чем в любом другом уголке мира».

Как пишет исследователь проблем российской диаспоры в ЮАР Б.М. Горелик, «большинство русских эмигрантов испытывали глубокую благодарность Южной Африке за то, что именно в этой стране они наконец перестали чувствовать себя беженцами и смогли встать на один социальный уровень с местным белым населением. Именно об этом, а не о политических вопросах думали русские эмигранты, переселяясь в далекую Южную Африку. По воспоминаниям Ольги Гостиной (известная этнограф из рода Кочубеев. – Ю.С.), ее мать... однажды сказала ей: “Когда ты переживешь то, что мы пережили и в России, и в Бельгии, ты на коленях будешь благодарить такую страну, как Южная Африка, которая дала тебе такие возможности...”»¹¹.

При всем неоднозначном отношении к проводимой в Южной Африке политике апартеида подавляющее большинство выходцев из России-СССР считало, как сегодня сказали бы, неpolitкорректным открыто выступать против порядков в приютившей их и давшей им благополучную жизнь и свободу профессиональной деятельности стране (вспомним страшный разгром биологической науки в 1930–1940-х гг. в СССР, травлю «продажной девки империализма» генетики и оценим успехи в этой области наших экспатов в ЮАС/ЮАР, включая «нобеля» Арона Клуга). Было с чем сравнивать: красный террор большевиков, сталинский, да и постсталинский, тоталитарный атеистический режим в СССР представлялись им сущим адом, и только к концу эпохи апартеида в ЮАР и началу перестройки в СССР настроение русской диаспоры стало меняться. Были, конечно, и сочувствующие «советам» левые, попавшие с 1950 г. под запрет коммунисты, несправедливость по отношению к «туземцам» тяготила совестливых, но все же основная часть наших экспатов благоденствовала, купаясь в благополучии, обретенном с ликвидацией «класса бедных белых» в осуществившей мощный индустриальный и технологический рывок стране – «оплоте империализма в Африке» (термин И.П. Ястребовой).

В 1957 г. эпатажная и непредсказуемая Винни Мадикизелла познакомилась с адвокатом и противником апартеида Нельсоном Манделой. Они поженились в 1958 г., в браке родились две дочери. К тому времени Винни уже была опытным и весьма безжалостным борцом вооруженного антирасистского сопротивления. Ее называли не иначе как «Черная Фурия». Именно эта «фурия» помогала мужу весьма активно «рулить» боевым крылом АНК «Умконто ве Сизве» (Копье нации) из заключения, куда он был отправлен за «планирование актов саботажа». Выйдя на свободу после многолетнего заключения, Мандела увидел, как изменился мир. Непредсказуемая «Черная Фурия» оказалась замешанной в мошенничестве, кражах и даже убийствах... Нет, такая жена ему не нуж-

на. Теперь нужна супруга со статусом! Нельсон подал на развод, который был оформлен в 1996 г.

В 1980-х годах Винни под благовидным предлогом воспитания беспризорных подростков организовала в черном пригороде Йоханнесбурга футбольный клуб. Позже стало очевидно, что «футболисты» – всего лишь банда телохранителей «матери нации», почувствовавшей собственную безнаказанность. Выяснилось, что Винни причастна к совершенному ими в 1989 г. убийству четырнадцатилетнего активиста освободительного движения Стомпи Моекетси, якобы в наказание за предательство. Убийство подростка взял на себя некий Джонсон, числившийся «тренером клуба». И хотя преступление произошло в доме Винни, она смогла отделаться денежным штрафом, сфабриковав себе алиби о том, что в день убийства ее не было в городе. Однако в конце 1997 г. в Англии были опубликованы показания еще одного «футболиста», который утверждал, что она не только присутствовала при казни юноши, но и нанесла два удара ножом. Слушания по этому делу возобновились.

24 апреля 2003 г. она была признана виновной по 43 пунктам обвинения, включая обвинения в мошенничестве и кражах. Винни Мандела была приговорена к пяти годам тюремного заключения. Вскоре после осуждения она подала в отставку со всех руководящих должностей в АНК и правительстве (замминистра науки и культуры), в том числе с места в парламенте и президента женской лиги АНК. У статусной дамы нашлись влиятельные заступники. В июле 2004 г. Высший суд Претории постановил, что «преступления не были совершены в корыстных целях». Судья отменил приговор за кражу, но оставил в силе по одному из обвинений за другие деяния, приговорив ее к трем годам и шести месяцам лишения свободы условно. Винни пережила «бывшего» и мирно скончалась в 2018 г. в возрасте 81 года в кругу семьи.

В 1998 г. 52-летняя Граса Машел вышла замуж за 80-летнего Нельсона Манделу. Третьей женой Нельсона Манделы стала вдова президента Мозамбика Саморы Машела, погибшего в авиакатастрофе в 1986 г. На свадьбе она заявила журналистам: «Люди нуждаются в символах. Мандела и является символом, он воплощает в себе ценности благородного общественного деятеля конца прошлого столетия. Но при этом он остается человеком со своими сильными сторонами и слабостями»¹².

Говоря о проявлениях здоровых сил внутри партийно-политической иерархии АНК, нельзя не отметить положительную роль Нкосазаны Дламини-Зума, бывшей жены бывшего президента Зумы, которая, вопреки ожиданиям его и его сторонников, не стала «знаменем» коррупционно-интриганского и крикливо-популистского «крыла Зумы» в правящей партии, а проявила себя как политик-государственник, избегаю-

ший фракционных склок, но спокойно и достойно исполняющий свои обязанности в рамках имеющихся полномочий (министр кооперации и традиционных вопросов в кабинете Рамапосы). К ее заслугам относят единственный «чистый аудит» в постапартеидной истории Министерства внутренних дел (когда она возглавляла МВД) и весомый вклад в миротворчество и разрешение конфликтов в странах континента в качестве главы комиссии Африканского Союза. О высоком реноме на госслужбе Н.Д. Дламини-Зума, которая «никогда не играла на публику», говорит, в частности, российский африканист Л.Я. Прокопенко в монографии «Женщины и власть (на примере стран Юга Африки)»¹³. Она также отмечает, что активная общественно-политическая деятельность супруг лидеров африканских стран (прежде всего ЮАР), в свою очередь, придает дополнительный импульс развитию активности женщин этих стран.

Хелен Зилле (Цилле) родилась 9 марта 1951 г. в Хиллброу, Йоханнесбург. Ее родители бежали из гитлеровской Германии. Окончила Университет Витватерсранда. Кроме английского и немецкого знает африкаанс и язык коса. С 1974 г. работала журналистом, выступала против апартеида. В период ее работы в газете Rand Daily Mail в конце 1970-х годов одним из ее достижений было привлечение общественного внимания к фактическим обстоятельствам убийства лидера Движения черного самосознания Стива Бико. В 1980-е годы сотрудничала с «Черной лентой» (организацией белых женщин, добивавшейся избирательного права для чернокожих женщин) и рядом других продемократических групп.

С 15 марта 2006 г. по 30 апреля 2009 г. – мэр Кейптауна. С 6 мая 2009 г. – премьер (глава правительства) Западно-Капской провинции. Ей удалось снизить уровень преступности, безработицы и потребления наркотиков. С 2007 г. по 2015 г. – лидер оппозиционной южноафриканской партии «Демократический альянс». В 2019 г. избрана председателем Федерального Совета ДА.

В конце июня 2020 г. Зилле опубликовала комментарий в Twitter: «сегодня существует больше расистских законов, чем при апартеиде». Она также написала, что если бы бывший президент Ф.В. де Клерк «не решил демонтировать апартеид», АНК «все равно увяз бы в беспорядке своих так называемых освободительных лагерей и внутренней борьбы». Доктор Дункан Дюбуа, историк и политический аналитик, поддержал утверждение Хелен Зилле. Он отметил, что правительство апартеида приняло 59 законодательных актов по расовому признаку в течение полувека, в то время как руководство страны после апартеида приняло 90 законов с мандатами расовой предпочтительности в течение 25 лет¹⁴.

Патрисия де Лилль (род. в 1951 г.) – представляющий цветное население страны южноафриканский политик, нынешний министр общественных работ и инфраструктуры, лидер политической партии «Добро». Ранее она была мэром Кейптауна (2011–2018) и министром социального развития Западной Капской провинции (2010–2011). В 2003 г. основала и возглавила политическую партию Независимых демократов (Independent Democrats). В августе 2010 г. ID объединилась с «Демократическим альянсом», официальной оппозицией Южной Африки и в 2014 году была распущена. С 2015 по 2017 год она была провинциальным лидером Демократического альянса в Западной Капской провинции. В 2016 г. была переизбрана на второй срок в качестве мэра.

Де Лилль была признана 22-й в топ-100 великих южноафриканцев, среди прочего она известна своей ролью в расследованиях спорной сделки с оружием страны 1999 г. – первого коррупционного следа будущего президента Дж. Зумы. В декабре 2018 года Патрисия де Лилль сформировала свою партию «Good» (Добро) и была объявлена кандидатом в премьер-министры Западной Капской провинции в феврале 2019 года. В мае 2019 г. она была избрана в парламент, а затем назначена президентом Сирилом Рамафосой министром общественных работ (очень важных в условиях массовой и растущей безработицы)¹⁵. Ее фигура символизирует политический «дух времени» в ЮАР: монополю правящий в стране со времени ликвидации апартеида АНК, сменяемый коррупционным разложением партаппарата, переживает кризис и раскол, с каждым новыми выборами теряя голоса, и, вероятно, скоро ему для удержания на вершине власти придется искать партнеров по коалиции (на местных выборах 2021 г. впервые потерял большинство, собрав 46% голосов). Так что включение инопартийной Де Лилль в кабинет министров можно рассматривать как первую пробу такой коалиции.

В целом можно отметить значительную и растущую роль женщин ЮАР в развитии демократических институтов и принятии важных политических решений, «налаживании жизни». Так, длительное время возглавлявшиеся женщинами, – Хелен Зилле, Патрисией Де Лилль – Западная Капская провинция и парламентская столица Кейптаун стали очагом порядка и относительного благополучия в очень беспокойной и небезопасной стране. Вместе с тем, как отмечает А.Н. Мосейко, «традиционное сознание воспринимает женщину как носительницу угрозы, беспорядка, опасности...»¹⁶, что, как в случае с «матерью нации» Винни Манделой, тоже иногда небезосновательно. И все же, когда в портретной галерее государственных деятелей появляется все больше женских лиц, это делает жизнь богаче и интересней.

¹ <https://edition.cnn.com/2019/05/30/africa/south-africa-gender-balanced-cabin-ent-intl/index.html> (дата обращения 19.10.2021)

² <https://sciencebusiness.net/international-news/south-africa-numbers-overview-its-st-performance> (дата обращения 17.11.2021)

³ Подробнее см.: *Скубка Ю.С.* Очерк истории южноафриканской живописи. М., Институт Африки РАН, 2006.

⁴ <https://mg.co.za/article/2013-03-14-a-third-of-sa-school-girls-have-hiv-sugar-daddies-blamed/>

⁵ <http://www.statssa.gov.za/?p=14559> (дата обращения 21.10.2021)

⁶ <https://www.csis.org/analysis/worlds-largest-hiv-epidemic-crisis-hiv-south-africa> (дата обращения 17.11.2021)

⁷ <https://globalhealth.duke.edu/news/south-africas-health-ministers-misguided-belief> (дата обращения-14.12.2021)

⁸ <https://ps.lsept.ru/article.php?ID=200308508> (дата обращения 17.11.2021)

⁹ <https://itexts.net/avtor-avtorov-kollektiv/130163-afrika-istoriya-i-istoriki-avtorov-kollektiv/read/page-21.html> (дата обращения 17.11.2021)

¹⁰ <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/25052/ogl.shtml> (дата обращения 12.10.2021)

¹¹ *Горелик Б.М.* Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 122.

¹² <https://universalinternetlibrary.ru/book/25052/ogl.shtml>; <https://sahistory.org.za/people/graca-simbine-machel>

¹³ *Прокопенко Л.Я.* Женщины и власть. М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 180.

¹⁴ <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/politics/2307822/zille-says-we-have-more-racist-laws-now-than-under-apartheid-lets-compare/> (дата обращения 15.11.2021)

¹⁵ <https://www.sahistory.org.za/people/patricia-de-lille> (дата обращения 11.12.2021)

¹⁶ *Мосейко А.Н.* Человек в традиционных обществах Африки. Образы мира-коллектив-личность // Обычай. Символ. Власть. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 166.